

Противостояние ЕС и США на фоне борьбы с Россией

Евросоюз не успел перехватить первенство в сегменте чистых технологий

Андрей Конопляник

Складывается впечатление, что сегодняшнее руководство ЕС и основных стран ЕС своими действиями лишь постоянно усугубляют кризисную ситуацию в энергетике Европы. При этом энергетические и вызванные ими экономические проблемы Европы нарастают по двум направлениям: в результате санкционной политики в отношении России и ее энергоресурсов и в результате усиления конкурентной борьбы между ЕС и США за сохранение последними своего доминирования в мировой экономике (см. «НГ-Энергия» от 11.10.22), в рамках которой ЕС из политического союзника США превращается в его основного конкурента в технологической сфере – в борьбе за технологический передел мира, за «новую» энергетику.

Рукотворная модель рынка

Текущая рукотворная модель рынка газа ЕС ставит в центр ценообразования механизм формирования цен на рынке «бумажного газа» – торговли биржевыми, преимущественно беспоставочными, контрактами на торговых площадках. В простонародье их называют хабами.

Их общее число в ЕС уже превысило дюжину, но основным является TTF (Title Transfer Facility) в Нидерландах. Эта площадка является наиболее ликвидной – там устойчиво фиксируется с 2020 года наивысший уровень показателя «чёрн» (churn) среди европейских торговых площадок – примерно 125, у всех остальных – в пределах 10. При этом по критериям Целевой модели рынка газа (ЦМРГ) ЕС 2011 года торговая площадка считается ликвидной при уровне «чёрна», равного 8, а по мнению европейского газового бизнес-сообщества – равного 15. Напомним, безразмерный показатель «чёрн» отражает число перепродаж одного товара в течение одного рабочего дня на одной торговой площадке, и чем выше этот показатель – тем, считается, более точно, с меньшими «нерыночными» искажениями, цены этой площадки близки к ценам «рыночного равновесия».

Модель рынка физического газа ЕС – двухсегментная: поставки по срочным контрактам разной продолжительности и спотовые сделки (разовые продажи). Спотовые цены устанавливаются на бирже, формируются на ценовых ожиданиях биржевых игроков, импортируются с лагом запаздывания в срочные контракты через формулы индексации, которые включают период усреднения цен прошлого периода для формирования цены текущего периода и тем самым сглаживают ценовые колебания (рис. 1). Исторически (с 1960-х годов) в срочных газовых контрактах в Европе доминировали формулы нефтепродуктовой индексации газовых цен. Разбирательства по иску Директората по конкуренции Еврокомиссии против «Газпрома» 2012–2018 годов (о якобы среди прочего нерыночном характере ценовых формул «Газпрома» с нефтепродуктовой привязкой в Восточной и Центральной Европе) завершились внесудебным «мировым соглашением» сторон, в результате которого «Газпром» перевел 80% цены в своих срочных контрактах в Европе на котировки TTF. Таким образом, контрактные цены следуют с лагом запаздывания за биржевыми котировками и гасят их пики.

Однако такая модель ценообразования, построенная на ожиданиях биржевых игроков, лишь усугубляет и мультиплицирует негативные эффекты и переводит в более высокие цены (см. рис. 1) нервные и/или панические ожидания газового дефицита в Европе, подкрепляемые санкционными действиями европейских властей против России – крупнейшего внешнего поставщика газа в Европу.

Энергорегуляторы ЕС выстраивали ЦМРГ – и не скрывали этого – из предположения, что на рынке ЕС всегда будет избыток предложения. Поэтому модель единого внутреннего рынка газа ЕС (после 2003 года, после второго энергопакета ЕС) строилась по принципу бассейна (рыночные зоны как сообщающиеся сосуды, соединенные трубопроводами-интерконнекторами). Поэтому основной задачей Еврокомиссии предыдущих составов (до прихода нынешней,

Рисунок 1. Ценовые предпочтения производителей, потребителей и биржевых игроков

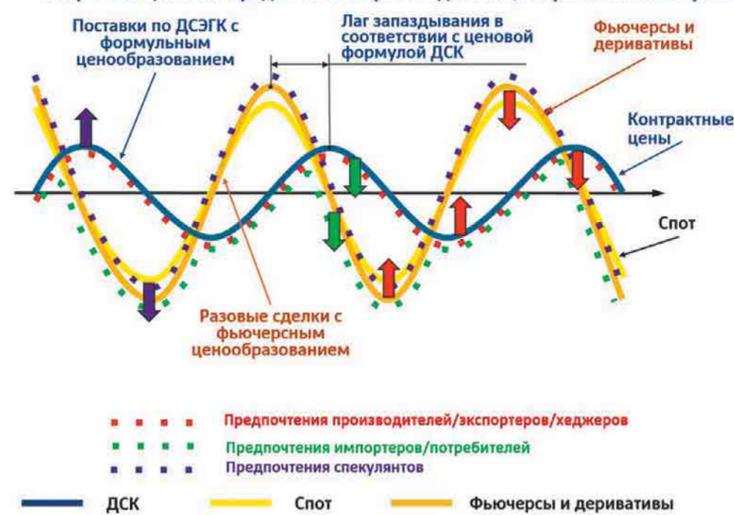


Рис. 1.

объявившей в 2019 году своим приоритетом зеленый курс ЕС) было создание газовой инфраструктуры, которая обеспечивала бы беспрепятственные перетоки газа внутри ЕС вне зависимости от того, в какую страну ЕС этот газ входит как в первую. При этом о радикальной смене географии направлений основных входящих в ЕС газовых потоков, традиционно идущих преимущественно с востока на запад, речи не шло. Поэтому понятие «энергетическая солидарность» изначально и вплоть до недавнего времени предполагало, что поставка в любую страну ЕС означает поставки в ЕС в целом либо на единый внутренний рынок ЕС. Поэтому не было возражений против трубопроводов в Германию из России (что сейчас ставится в упрек Германии, и России).

«Зеленый Курс», а затем СВО резко поменяли систему приоритетов ЕС в газовой сфере. Сначала в сторону зеленой повестки и к отходу от органического топлива, в том числе газа, вплоть до запретов (начиная с соответствующего решения Европейского инвестиционного банка в ноябре 2019 года) на строительство новой «традиционной» газовой инфраструктуры, пусть и в рамках существовавших ранее планов. А затем в сторону отказа от российских энергоресурсов под эгидой обеспечения энергобезопасности (отказа от одного доминирующего внешнего поставщика). Формирование сети трубопроводов-интерконнекторов, необходимых и достаточных для свободных перетоков газа внутри ЕС при их доминирующих входных потоках по направлению восток-запад, так и осталось незавершенным.

После начала СВО произошла радикальная смена направлений входных потоков газа в Европу. Теперь это СПГ, который приходит в ЕС отнюдь не с востока, хотя осуществляются целенаправленные попытки США продвинуть свой СПГ в ЕС именно с восточного направления, врезавшись с севера и юга в украинский транзитный коридор для российского газа в Европу западнее западноукраинских ПХГ (см. «НГ-Энергия» от 13.06 и 08.11.22). Это значит, что дефицит мощностей трубопроводов-интерконнекторов внутри ЕС еще более обострился вследствие новой логики входных потоков, что усугубляет дефициты и еще больше подталкивает газовые цены в ЕС вверх вследствие рукотворных действий европейских властей, намеренных к тому же полностью отказаться от импорта российских энергоресурсов к 2027 году.

«Хабомания» Европы

В условиях продекларированного отказа ЕС от импорта российских энергоресурсов, физического (диверсии на обоих «Северных потоках»), обнуление газовых поставок по двум морским маршрутам в Германию) или контрактного прекращения (Ямал-Европа, обнуление газовых поставок по сухопутному польскому маршруту в Германию) или сокращения (уменьшение на 60% контрактных объемов прокачки по украинскому транзитному коридору вследствие закрытия одного из двух пунктов приема на этом маршруте, ведущем в том числе в Германию) поставок российского газа в ЕС и устранения теми самым Германии как крупнейшего получателя российского газа

в ЕС, которую многие страны ЕС обвиняли в том, что она пытается с помощью России превратиться в «энергетический/газовый хаб Европы», на эту освоенную нишу тут же нашлось множество претендентов внутри и рядом с ЕС.

К их числу относятся Польша (намерена стать распределительным центром импортного, в первую очередь американского, СПГ для Северо-Восточной и Центральной Европы), Болгария (те же амбиции, но для Юго-Восточной и Центральной Европы), Италия (для Южной и Центральной Европы), Испания (для Центральной Европы). Наконец,

Вашингтон ослабляет конкурентоспособность Германии, и, как следствие, Европы в целом

Турция намерена стать распределительным центром для российского, каспийского, ближне- и средневосточного и североафриканского газа для всей Восточной и Центральной Европы. Однако у этих стран существенно различаются не только их «хабоманские» амбиции, но и возможности для их материализации.

Польша и Болгария являются частью формируемого на востоке ЕС вертикального газового коридора «север-юг» в рамках созданной и поддерживаемой США «Инициативы трех морей», нацеленной на формирование сетевой инфраструктуры на востоке Европы для замещения российского трубопроводного газа импортным (в первую очередь американским) СПГ. Но Польша является прямым получателем импортного СПГ на севере этого коридора, в то время как Болгария на юге этого коридора не имеет прямого доступа к импортному СПГ – только опосредованно, через регазификационные терминалы в Греции и Турции.

Через Турцию идут в Европу с востока, минуя Россию, существующие трубопроводные поставки газа. Равно как пойдут и будущие, которые могут также пойти и через Грецию, если все же будет реализован проект поставки газа

восточно-средиземноморских месторождений в Европу. Но не в виде СПГ – через египетские заводы по сжижению, а по трубе на Грецию непосредственно с месторождений, что, на мой взгляд, весьма сомнительно.

Турция сама претендует (это и давняя ее мечта, и недавняя подача России) на роль такого нового хаба для Европы – здесь они с Болгарией прямые конкуренты. И Турция фактически замкнула на себя нынешние и будущие поставки как сетевого газа в обход России в ЕС (Южный газовый коридор и др.), так и СПГ. К тому же из Турции открывается путь для газа как в Южную Европу (через

Грецию и Адриатику на Италию), так и через Болгарию в Восточную и Центральную Европу. Понятно, у какой из двух стран существуют дополнительные конкурентные преимущества в их претензиях на роль «газораспределительного центра» на юго-востоке Европы.

Италия намерена стать распределительным центром североафриканского сетевого газа (как днями заявила новый премьер страны Джорджа Мелони), Испания – импортного СПГ. И все эти амбиции всех новых претендентов на роль новых «распределительных центров» импортного газа (преимущественно нероссийского происхождения) для Европы сталкиваются с необходимостью формирования новой или расширения существующей сетевой инфраструктуры по новым направлениям доставки природного газа в центр Европы, для замещения российского газа. А замещать его нужно именно на контрактных пунктах сдачи-приемки, чтобы минимизировать дорогостоящие логистические затраты, связанные с формированием новой инфраструктуры в направлении «запад-восток». Так что «хабоманские» амбиции новых претендентов требуют времени и денег на развитие (создание новой и/

или расширение существующей) газовой сетевой инфраструктуры, что де-факто было запрещено в рамках зеленого курса ЕС.

Рукотворный кризис

Рост газовых цен в Европе начался еще летом 2021 года – задолго до начала специальной военной операции (СВО) (рис. 2). Жаркое лето 2021 года привело к росту спроса на электроэнергию для кондиционирования. Но провал ВИЭ (солнечная и ветровая генерация) обеспечить этот спрос (мало солнца и ветра) предопределил рост спроса на газ, который является резервным топливом для ВИЭ-электростанций. Возникший дефицит газа при низком уровне запасов в ПХГ ЕС и отказе «Газпрома» поставлять газ сверх контрактных обязательств в связи с дискриминацией российских поставок (ограничение поставок по газопроводу ОПАЛ – сухопутному продолжению «Северного потока – 1», запрет на ввод в эксплуатацию «Северного потока – 2») привел к неизбежному росту цен на газ, который лишь был усугублен паническими ожиданиями биржевых игроков в связи с началом СВО. Но СВО не была первопричиной роста цен на газ в ЕС, как это настоячиво артикулируется на Западе.

В этих условиях обвинять Россию/«Газпром» в нерыночном поведении (а волна таких обвинений широко прокатилась на Западе), а именно, что «Газпром» не поставил со второй половины 2021 года в Европу сетевой газ сверх контрактных объемов (свои контрактные обязательства «Газпром» выполнял полностью), значит, не понимать разницы между юридическими терминами «иметь

право» и «иметь обязательство». Особенно странно было требовать от «Газпрома» дополнительных (сверх контрактных обязательств) поставок в Европу в условиях, когда готовый к эксплуатации газопровод «Северный поток – 2» для поставок в ЕС дополнительных 55 млрд куб. м/год не допускался к вводу в эксплуатацию на основании противоречащих международному праву (ибо были введены вне мандата ООН) санкций США против «Северного потока – 2», действующих экстерриториально (!) в «суверенной» (?) Германии.

После февраля 2022 года произошел дополнительный взлет цен – реакция рынка на дефицит (рис. 2). Первый ценовой всплеск связан с началом СВО России в Украине – рост на ожиданиях биржевых игроков возможного разрушения ГТС Украины в результате военных действий. Следующий всплеск – из-за предписанного сверху форсированного заполнения ПХГ в условиях внешних ограничений для поставок российского трубопроводного газа в ЕС и связанных с этим страхами биржевых игроков полного прекращения поставок. При этом – повторим – дефицит есть результат рукотворных со стороны ЕС ограничений поставок российского

газа, ибо это не Россия/«Газпром» сокращают поставки, это России и «Газпрому» сокращают поставки искусственными ограничениями (см. «НГ-Энергия» от 08.11.22). Все это в условиях, когда в ЕС поставлена задача свести к нулю российский энергетический импорт к 2027 году.

Происходит политически мотивированная (для ЕС) и экономически мотивированная (для США) замена российского трубопроводного газа импортным СПГ, в первую очередь из США, и вводятся все новые и новые непрерывные санкционные ограничения на поставки российских энергоресурсов. Однако замена российского трубопроводного газа на СПГ США – это замена более дешевого (по цене отсечения у потребителя в ЕС), обильного (мощность трубопроводной экспортной инфраструктуры), непрерывного (поток по трубе), более климатически чистого газа на более дорогое, дискретные (поставки танкерами-метановозами с дискретным циклом погрузочно-разгрузочных работ), более климатически «грязные» газовые поставки (в производственной-сбытовой цепочке СПГ есть три стадии, отсутствующие в аналогичной трубопроводной цепочке, характеризующиеся высокими эмиссиями – сжижение, морская транспортировка и регазификация СПГ плюс СПГ США – сланцевого происхождения, а добыча сланцевого газа есть более климатически грязное предприятие, чем добыча газа «традиционного»).

Россия и Европа взаимозависимы по трубопроводному газу через механизм срочных контрактов с ценообразованием на условиях СИФ (у потребителя), рынок ЕС для российского трубопроводного газа является рынком целевым. Но для СПГ США с ценообразованием на условиях FOB рынок ЕС является рынком арбитражным: поставки СПГ США могут/будут идти туда, на тот региональный рынок (в Европу, Азию, Латинскую Америку), где цена выше (арбитражные сделки). И если сегодня, в условиях ажиотажно высоких цен в Европе, поставщики СПГ предпочитают идти на неисполнение своих контрактных обязательств по срочным контрактам с поставками, например, в Южную Азию и перебрасывать эти объемы в ЕС (торговцами движет страх и жадность, поэтому они предпочитают заплатить неустойку за не(до)поставку из более высокой ценовой премии, которую они получают за поставки в рукотворно-дефицитную Европу по сверхвысоким нынешним ценам), то завтра они с таким же энтузиазмом переберут контрактные объемы из Европы, скажем, в Азию (как это было после аварии на японской АЭС «Фукусима» в 2011 году).

Двойное разорение

Сегодня происходит двойное разорение Европы Соединенными Штатами. Сначала США зарабатывают на продаже ей более дорогого своего СПГ, отсекая любыми способами российский трубопроводный газ от ЕС по всем направлениям, кроме украинского (давая последней таким образом зарабатывать на транзите российского газа даже в условиях военных действий в ее территории). Тем

Рисунок 2. Биржевые цены на газ на торговой площадке TTF (Нидерланды), поставки на условиях «на месяц вперед»



Источник базового графика: D.Sheppard. Is Europe winning the gas war with Russia? (по данным Рефинитив) // Financial Times, 29.10.2022

Рис. 2.

самым разоряется промышленность Европы. Как заявила Урсула фон дер Ляйен 04.12.22 в Брюгге: «Мы смогли компенсировать потерю российского энергетического импорта... мы в безопасности на эту зиму. Но это далось нам за счет более высоких энергетических цен. И все это повлияло на конкурентоспособность многих европейских промышленных отраслей – особенно энергоёмких секторов нашей экономики».

Таким образом, европейские технологические конкуренты США либо уйдут с мирового рынка (разорятся, закрываются из-за удорожания энергетической составляющей издержек производства), либо их побуждают к переезду (к эмиграции) из Европы в США, чтобы заставить их работать на экономику США внутри этой страны.

На это направлено, в частности, закон США о снижении инфляции (Inflation Reduction Act – IRA) от 16.08.22, который является своего рода «финансовым пылесосом» по привлечению на территорию США капитала и отраслей материального производства, в первую очередь – в рамках «новой энергетики», нового технологического уклада, посредством существенных госсубсидий для компаний – налоговых резидентов США. Это увеличит конкурентный разрыв между США и ЕС, которые являются политическими союзниками, но экономическими конкурентами, в пользу первых. Фактически речь идет о деиндустриализации Европы, а это возврат к «плану Моргантау» 1944 года, в котором была непосредственно предусмотрена деиндустриализация Германии (см. «НГ-Энергия» от

вители (рис. 3). Поэтому политические союзнические отношения США с ЕС приносятся в жертву прагматическим национальным интересам США по сохранению своего мирового лидерства. Ничего личного. Только бизнес.

И в этих условиях президент Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен призывает США к сотрудничеству, а не к конкуренции с ЕС, хотя США, очевидно, идут на решение своих внутренних проблем и задач, не только не считаясь с интересами своих трансатлантических союзников, но и за их счет.

ЕС в период Трампа

В своем выступлении 04.12.22 перед молодыми дипломатами в Колледже Европы в бельгийском Брюгге г-жа фон дер Ляйен более детально, чем кто-либо из европейских политиков до нее, обозначила риски для Европы, связанные с проводимой США промышленной политикой, квинтэссенцией которой стал августовский закон о снижении инфляции (IRA, от 16.08.22). Это выступление президента Еврокомиссии (его место, время, суть) заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее. Три четверти ее выступления было посвящено разбору угроз, которые несет для ЕС указанный закон США.

Начала она с того, что изменение климата – это важнейший экзистенциальный вызов, стоящий перед всеми нами. А зеленый курс ЕС 2019 года – это стратегия роста Европы. Фон дер Ляйен отметила, что многочисленные вызовы последнего времени (климатическая повестка, ковид, «российская агрессия») вызвали серию побочных эффектов – от необхо-



ВИЭ = возобновляемые источники энергии; НВЭР = невозобновляемые энергоресурсы; H2 = водород; ЭПГ = эмиссия парниковых газов

(на основе ВИЭ плюс возобновляемого водорода) и затем по мере его органического роста расти вместе с ним, используя преимущество пионера. Сформировать рынок на основе евро, а не доллара, то есть сделать евро на этом рынке резервной валютой, устранив эмиссионную зависимость от Федеральной резервной системы США. Каковая зависимость присутствует на большинстве глобальных товарных рынков (в их «физических» и «бумажных» сегментах), ценообразование на

требитель в США, вы получите налоговую льготу при покупке электроавтомобиля, если он был произведен в США. И если вы производите аккумулятор для этого электроавтомобиля, вы получите налоговую льготу при ее производстве в США. Это значит, автопроизводитель получает двойную выгоду при производстве в Северной Америке и покупке комплектующих в США. Более того, это может привлечь производителей критических сырья и материалов в США и привести к отказу от трансатлантических цепочек снабжения. Безусловно, это создает привлекательный инвестиционный климат для чистых технологий в США. Но мы уже видим, как это может повлиять на европейскую собственную базу чистых технологий за счет перенаправления инвестиционных потоков. Мы все слышали рассказы производителей, которые намерены перенаправить свои будущие инвестиции из Европы в США.

Обе страны намерены после 2035 года запретить продажу автомобилей с ДВС и перейти полностью на электроавтомобили. Вопрос: чьи это будут электроавтомобили? Каждая из сторон заинтересована, чтобы это были машины ее производства, чтобы они производились на ее территории, обеспечивали рабочие места и зарплаты для ее граждан, увеличивали налоговые поступления для ее бюджета.

Фон дер Ляйен говорит о том, что США вводят сквозную массивную цепочку госсубсидий от производителя до конечного потребителя продукции «отраслей новых чистых технологий». А я добавляю: заводя все эти цепочки («засасывая» их методом «финансового пылесоса») на свою обширную территорию, богатую природными ресурсами, в том числе и особенно в малонаселенных центральных районах США. Такое удовольствие лишена объединенная и перенаселенная, а теперь еще и пополняемая волнами беженцев Европа с более длинной историей исчерпания своих ресурсов до меньших чем по номенклатуре, чем в США, природным ресурсам разных категорий (как геологических ресурсов, так и технически извлекаемых и/или доказанных извлекаемых запасов).

Президент Еврокомиссии заявляет, что «новая агрессивная промышленная политика наших конкурентов (имея в виду США) требует структурированного ответа». Но основной пафос ответных мер ЕС сводится пока преимущественно к двум предложениям: к сокращению периода разрешительных процедур для проектов ВИЭ и к увеличению масштаба госсубсидий на уровне ЕС. При этом она признает, что в отличие от США в ЕС госсубсидирование не пронизывает всю производственно-сбытовую цепочку до конечного потребителя, чтобы стимулировать его «покупать европейское», а нацелено преимущественно лишь на убыстрение выхода НИОКР на стадию демонстрационных образцов.

К тому же у США больше финансовых возможностей для модернизации хотя бы потому, что им приходится платить за энергоресурсы в несколько раз меньше, чем европейцам (благодаря ручкотворным, выстроенным самими же США и ЕС, отношениям между ними в энергетике). И при этом президент Еврокомиссии отмечает как большой вклад США в укрепление энергетической безопасности ЕС поставки (более дорогого и климатически грязного) СПГ США взамен российского газа.

Призыв к сотрудничеству

Завершила президент Еврокомиссии это свое «программное», на мой взгляд, выступление, призывая ЕС и США к сотрудничеству вместо конфронтации

сторон. Предлагаемая цель – объединить усилия в борьбе с Китаем на рынке «чистых технологий завтрашнего дня» (вспоминается светловское: «против кого дружим, ребята?»), поскольку, признает общественно известный фон дер Ляйен, добыча и переработка многих редкоземельных материалов сконцентрированы в Китае или контролируются им.

Наивность политического руководства ЕС поражает. Будучи лишенной многих конкурентных возможностей, имеющих у США, являясь для США, по сути, рынком сбыта и источником локализуемых в США инвестиций, ЕС призывает США к сотрудничеству, в то время как последние любой ценой стремятся сохранить свою сжимающуюся нишу в мировой конкуренции, продлить свой «долгий век» (термин Джованни Арриги) в мировой экономике. И руководствуются тезисом «Америка превыше всего». И готовы поглотить и/или разорить любого, в первую очередь – более слабого, для собственного усиления, отказываясь от установленных правил игры, переписывая их под себя, что было четко подмечено Александром Мирчевым (рис. 3).

Дарвиновские законы «пищевых цепочек», взятые на вооружение сторонниками конкурентной борьбы в экономике, жестоки. Поэтому двойственная позиция Президента Еврокомиссии, прозвучавшая в ее обращении к аудитории в Брюгге, но очевидно адресованная напрямую к США («хочу быть предельно четко понятой: конкуренция – это хорошо... но эта конкуренция должна уважать единые правила игры»), когда такие «единые правила игры» не в интересах США, не выдерживает критики и останется еще одним, ставшим в воздухе, призывом, пусть и с самого высокого в ЕС уровня. Это продемонстрировали результаты заседания Совета по торговле и технологиям США – ЕС 05.12, от участия в котором отказался Еврокомиссар по вопросам внутреннего рынка Тьерри Бретон в связи с тем, что в повестке дня было уделено слишком мало времени (лишь 45 минут за обедом) рассмотрению опасений лидеров Евросоюза по поводу нового американского климатического и налогового законодательства IRA. Союзнические отношения в политике между США и ЕС не предполагают готовности США жертвовать собственными прагматическими интересами ради Европы. Особенно когда последняя стала фактически слабым звеном в глобальной конкуренции и, тем самым, более низким для США звеном в «пищевой цепочке».

Впрочем, сама Урсула фон дер Ляйен завершила свою речь в Брюгге утверждением, что «безусловно, Европа всегда будет делать то, что соответствует интересам Европы». Так и США, очевидно, будут делать то, что соответствует интересам США. И вместе им в борьбе за технологический перелом мира, похоже, не сойтись. США будут продолжать разорять Европу, поставив ей свой дорогой сжиженный газ, пока цены в Европе будут выше, чем в Азии; многочисленными – инициированными в США, но реализуемыми ЕС – пакетами антиросийских санкций, действующими против самой Европы; переманивая к себе низкими, по сравнению с европейскими, энергетическими ценами в США и многочисленными системными субсидиями закона IRA европейскую промышленность, не выдерживающую высоких энергетических цен в ЕС. В общем, ничего личного. Только бизнес. America First!

Андрей Александрович Конопляник – доктор экономических наук, профессор.

Относительное положение великих империй

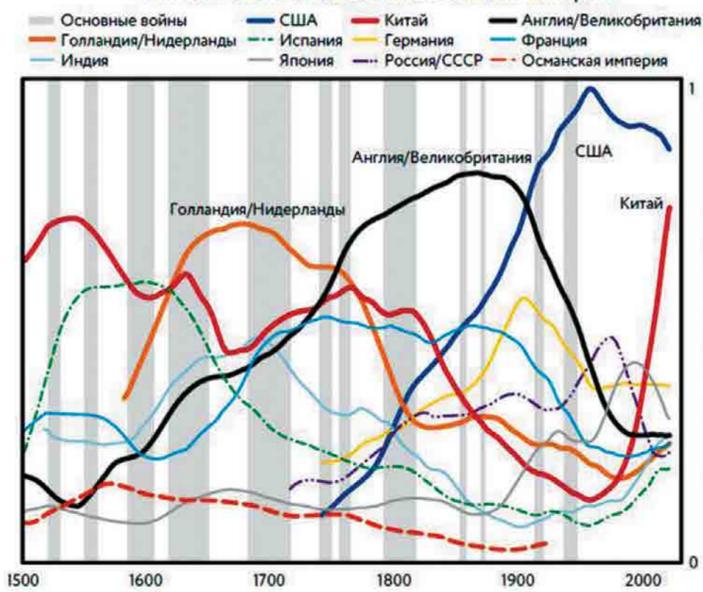


Рис. 3.

08.11.2022).

Сегодня ФРГ является экономическим локомотивом объединенной Европы. Устраняя Германию, ослабляя ее экономическую мощь, построенную, как уже признают и сами европейские политики, на дешевых обильных поставках советских-росийских энергоресурсов, лишая ее доступа к российским энергопоставкам (что, как мы видим, планомерно осуществляется на практике), частично замещая их более дорогими альтернативными «молекулами свободы», но частично сохраняя дефицит энергопоставок в Европу (что поддерживает высокие цены в ЕС), тем самым ослабляет глобальную конкурентоспособность не только самой Германии, но и Европы в целом.

Издание Politico пишет, что Франция и Германия намерены вести переговоры с Вашингтоном о такой «несправедливой конкуренции». Президент Франции Эммануэль Макрон критикует США за то, что «североамериканская экономика делает выбор исходя из интересов повышения своей привлекательности, что я уважаю, но они создают двойные стандарты» со своими низкими внутренними энергетическими ценами в то время, как продают газ в Европу по рекордно высоким ценам. Французский министр финансов Брюно Ле Мэр вторит своему президенту и критикует США за то, что они продают свой СПГ европейским компаниям по цене «в четыре раза превышающей ту, по которой продают газ дома». На это можно ответить им словами бывшего президента США Клинтона: «Это экономика, детка!» (хотя в оригинале эта фраза звучит резче). Таким образом США устраняют Европу как глобального конкурента США в мировой экономике. А устранение конкурентов является сегодня для США первоочередной задачей. Страна вступила в период своего заката как доминирующей мировой экономики. Это давно признают многие, в том числе авторитетные западные исследо-

дители пересмотра принципов энергетической безопасности до перестраивания глобальной дипломатии. И отдельно выделила ускоряющуюся гонку за глобальное первенство в области чистых технологий. Фактически подтвердила, что речь идет о технологическом переделе мира и глобальной конкуренции в этом вопросе – в первую очередь между ЕС, США и Китаем. Автор много писал об этом ранее, говоря о закулисной стороне «климатической повестки». Уинстон Черчилль называл аналогичные ситуации «борьбой бульдогов под ковром».

И здесь фон дер Ляйен фактически подтвердила еще один тезис автора: что ЕС попытается воспользоваться выходом США при Трампе из Парижского соглашения по климату (Дональд Трамп заявил, что США прекращают участие в Парижском соглашении 01.06.17, выход вступил в силу 04.11.20, через день после президентских выборов – 2020 в США, на которых, как считается, победил Байден) для того, чтобы завоевать свое технологическое превосходство в сфере «чистых климатических» технологий. Так, автор неоднократно указывал на то, например, что ключевым, по его мнению, положением Водородной стратегии ЕС от 08.07.20 являются не целевые объемы производства водорода разных видов (преимущественно так называемого возобновляемого) в ЕС или его импорта в ЕС и не целевые стоимостные показатели издержек производства водорода разных видов (преимущественно так называемого возобновляемого) в ЕС или его импорта в ЕС и не целевые стоимостные показатели издержек производства водорода разных видов к тому или иному году, а нацеленность на формирование мирового рынка водорода (точнее, оборудования для его производства) на основе евро.

То есть ЕС стремился воспользоваться в период Трампа временным исключением климатической повестки из системы приоритетов США, для того чтобы создать в этой сфере конкурентную нишу «под себя», на своих – европейских – условиях, сформировать таким образом первичный рынок новых «чистых энерготехнологий»

которых происходит в долларах США, в первую очередь на рынках сырьевых товаров, включая рынки физических и бумажных энергоресурсов.

И дальше президент Еврокомиссии подробно расписывает эту идеологию ЕС по завоеванию европейского «технологического первенства», пока США глядели в другую сторону. «Мы объявили зеленый курс ЕС... Мы были первой мировой державой, объявившей о движении к нетто-нулевым эмиссиям и сделавшей этот путь юридически обязательным. В США в это время была администрация, которая не верила, что именно человек вызвал изменение климата, и которая объявила о выходе из Парижского соглашения. Китай интенсивно инвестировал в уголь. И Европа вышла на глобальные лидерские позиции. Мы заявили: мы не будем ждать и начнем делать то, что считаем правильным. Мы будем инвестировать сегодня в чистые технологии завтрашнего дня. Поскольку со временем все разовьется и развивающиеся экономики последуют по этому же пути. И с тех пор мы придерживались этого курса».

Добавлю от себя: «последуют по этому же пути» означает (предполагало) – на основе европейских запатентованных интеллектуальных решений и технологий, на основе глобальной экспансии европейских «чистых» производств, воспроизводя и расширяя зону евро на мировом рынке «чистых технологий завтрашнего дня». Отмечу также, что когда на Западе (в первую очередь в Европе) говорят о таких технологиях, речь, как правило, идет лишь о видимой – надводной – части айсберга, то есть о завершающей части полного производственного цикла технологий получения электроэнергии ВИЭ и возобновляемого водорода, которые действительно относятся к категории безэмиссионных или низкоэмиссионных (если принимать во внимание известные сегодня «загрязнители»). Вне поля зрения обычно остается «подводная часть айсберга»

Рисунок 3. Исторические циклы доминирования великих империй - и сегодняшний закат США

Источники: Рэй Далио. ПРИНЦИПЫ ИЗМЕНЕНИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА. Почему одни нации побеждают, а другие терпят поражение, Перевод с английского Дмитрия Миронова, Москва, «Манн, Иванов и Фербер», 2022, с.42

О том же пишут:
- Пол Кеннеди. Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. (1987)
- Джованни Арриги. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени (1994),
- Александр Мирчев. Прогноз: Мегатренд альтернативной энергетики в эпоху соперничества великих держав (2022)

А.Мирчев: «Универсально секьюритизированный мир усугубляет гоббсовскую ловушку, согласно которой выбор в пользу упреждающих враждебных действий является наиболее рациональным... В универсально секьюритизированном мире государству может быть выгодно действовать против другого государства при возрастающем наборе обстоятельств... они все чаще используют инструменты, которые изменяют правила и институты для изменения ожидаемых результатов и предотвращения предполагаемых угроз.»

Схема автора

и нерешенные пока климатические и экологические проблемы (в дополнение к экономическим) утилизируют отработанные производственных мощностей «чистых технологий завтрашнего дня» (рис. 4).

ЕС в период Байдена

С приходом в Белый дом Джоэфа Байдена США немедленно бросились вдогонку за ЕС. В первый же день своего президентства Байден вернул США в Парижское соглашение (подписал указ о возвращении США в список стран – участниц Парижского соглашения в день инаугурации 20.01.21, указ вступил в силу 19.02.21).

Теперь, говорит фон дер Ляйен, США сделали следующий шаг и приняли закон о снижении инфляции (IRA, от 16.08.22) и закон об инвестициях в инфраструктуру и рабочие места (от 15.11.21). Она говорит о «потрясающем сходстве» между зеленым курсом ЕС и IRA США. «Две державы, каждая размером с континент, модернизируют свои экономики, инвестируя около 1 трлн евро и совместно обращаясь к крупнейшему вызову нашего времени... Это не только позитивный сигнал для планеты, но и для инвесторов». Я же добавлю: и вопрос, кто и по какую сторону Атлантики в первую очередь начнет осваивать эти огромные государственные средства. И вот тут возникает заковыка, или, как говаривал Борис Николаевич, «загогулина».

Фон дер Ляйен прямым текстом говорит, что «существует риск, что IRA может привести к недобросовестной конкуренции». И выделяет «три аспекта, которые являются особенно вызывающими». Во-первых, логика «покупай американское», которая является фундаментальной частью IRA. Во-вторых, налоговые льготы, которые могут вести к дискриминации. В-третьих, производственные субсидии, которые могут привести к «гонке субсидий».

Президент Еврокомиссии приводит конкретный и весьма наглядный пример: «Если вы по-